

библейское видение поступательного движения истории средневековых историков и хронистов⁵⁹. Усиливается дидактический, «учительский» элемент во всех сферах культуры; слово и книга, знак и символ, пронизанные религиозными мотивами, занимают большое место в жизни человека ранневизантийской эпохи⁶⁰. Расшифровать этот язык, понять глубину его символики, прочесть скрытые официальными стереотипами мысли и представления византийского человека, его этические и эстетические взгляды, проникнуть в его сознание означает раскрыть человеческое содержание в византийской культуре, увидеть человека Византии в его социально-культурной обусловленности.

Вся духовная жизнь общества отличается драматической напряженностью, в империи бушуют тринитарные и христологические споры, идет борьба господствующей церкви с ересями⁶¹. Вместе с тем во всех сферах знания, в литературе, искусстве наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой. Эпоха становления новой, средневековой культуры рождает талантливых, порою отмеченных печатью гениальности мыслителей, писателей, поэтов (Псевдо-Дионисий Ареопагит, Григорий Назианзин, Роман Сладкопевец и др.). Индивидуальность художника еще не растворилась в церковно-догматическом мышлении. Интимная биографичность, глубочайший самоанализ, смятенность душевных переживаний характерны для некоторых поэтических произведений того времени. Так, психологизм и душевная открытость поэзии Григория Назианзина перекликаются со знаменитой на Западе «Исповедью» Августина. Патристическая литература, библейская космография, литургическая поэзия, всемирная хроника, христианская агиография приходят на смену античной литературе и овладевают умами византийского общества⁶².

В художественное творчество из народной среды все сильнее проникают стихийный темперамент, цельность и наивность восприятия мира, искренность и эмоциональная приподнятость нравственных оценок (агиография), сильная народная струя ощущается в литургической поэзии, где в это время рождается рифма, ломается античная метрика, торжествуют новые эстетические идеалы, в частности в творчестве Романа Сладкопевца⁶³.

Коренные изменения происходят и в сфере изобразительного искусства. Византийское искусство генетически восходит к эллинистическому и восточнохристианскому художественному творчеству. В ранний период в византийском искусстве как бы слились воедино рафинированная пластичность и трепетная чувственность позднеантичного импрессионизма с наивной, порою грубоватой экспрессивностью народного искусства Востока. Эллинизм долго оставался главным, хотя и не единственным источником, откуда византийские мастера черпали изящество форм, правильность пропорций, чарующую прозрачность колористической гаммы. Испытав воздействие египетских, сирийских, малоазийских, иранских художественных традиций, византийские художники, однако, уже в VI—VII вв. смогли не только впитать эти многообразные влияния, но и преодолеть их, создать свой собственный стиль в искусстве. Эллинистический языческий антропоморфизм наполнялся совсем иным идей-

⁵⁹ Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья. — В кн.: Античность и Византия, с. 266—285; Чичуров И. С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв. — Там же, с. 203—217.

⁶⁰ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 109—128, 150—182, 183—210.

⁶¹ Удальцова З. В. Церковная политика Юстиниана. Народно-еретические движения в империи. — ИВ, т. 1, с. 267—281.

⁶² Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии, с. 319—328.

⁶³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы, с. 210—236.